

На службе у точного времени

О Математико-физическом салоне в Дрездене

Сергей Ходнев |

ВРЕМЯ еще только обеденное, а полированные медные пластины, которыми облицован лифт в вестибюле дрезденского Математико-физического салона, сплошь в отпечатках детских ладошек. Школьников (и в основном младших классов) сюда приводят на экскурсию ничуть не реже, чем на поклон к «Старым мастерам».

— Вы представляете, — удивляется директор салона Петер Пласмайер, — они спрашивают, где у этих механизмов были батарейки! И зачем в часах все эти колесики!

Что тут скажешь, во-первых, уходят избалованные современными технологиями дети уже с полным пониманием того, что без батареек и микроэлектроники жизнь тем не менее была довольно увлекательной (что там, даже гаджеты были). И мало есть мест, где весь этот ренессансно-барочный хай-тек показывают и разъясняют так наглядно и элегантно, как здесь, в Дрезденском салоне. Во-вторых, надо признаться, что даже у взрослого тут тоже случаются моменты совершенно детского изумления. Как? Как они все это делали, эти мастера, у которых не то что микроскопа, а даже и биноклярной лупы, небось, не было? Ни наностаночков, ни даже таблиц Брайса? Поди не удивись, сопоставив, мягко говоря, ограниченность медицины какого-нибудь XVII века и кажущуюся безграничность возможностей тогдашних механиков. Хотите часы с самодвижными танцующими фигурками? Пустячное дело, всего-то несколько десятков шестеренок, передач, тросиков и штифтов, расположенных в нужном порядке. Хотите устройство, которое с помощью все того же часового механизма рассчитывало и мониторило бы движение всех известных на тот момент планет? Изготовим. Нужна счетная машина? Сделаем и ее, подумаешь.

И все-таки это не музей игрушек, не лавка чудес и не «Городок в табакерке» Одоевского. Венценосные коллекционеры, которым все эти механические чудеса когда-то принадлежали, собирали их не для развлечения отрочества. Ну то есть и для развлечения, возможно, тоже, но это точно была побочная функция.

Еще в 1560-е годы курфюрст Август завел у себя в дрезденском замке «палату художеств», кунсткамеру. Как было положено в те времена, хранилась в кунсткамере всякая всячина — раковины из дальних морей и живопись, драгоценные кубки и окаменелости, научные инструменты и чучела экзотических животных. Но это мы сейчас представляем себе ренессансную кунсткамеру нагромождением раритетов и «куриозов», странным, местами забавным и уж точно наивным. Забавность забавностью, но система там была: чудеса природы и чудеса рукотворные строго группировались по разделам, причем таким образом, что-

ДИРЕКТОР МАТЕМАТИКО-ФИЗИЧЕСКОГО САЛОНА ПЕТЕР ПЛАСМАЙЕР (СЛЕВА) И ПРЕЗИДЕНТ ЧАСОВОЙ МАНОФАКТУРЫ A. LANGE & SOHNE Вильгельм Шмидт на открытии экспозиции

бы в результате получалась, по суждению тогдашних ученых, ни больше ни меньше как модель мироздания во всем его упорядоченном разнообразии.

Таких кунсткамер — где богатых, а где совсем скромных, кабинетных — в Европе было много, и они часто оказывались эмбрионами больших музейных собраний, известных ныне всем и каждому. Дрезденская кунсткамера — родоначальница целого семейства музеев саксонской столицы: когда мода на «палаты чудес и художеств» прошла, коллекцию курфюрстов разделили, и живопись, графика, драгоценности, оружие, скульптура — все это стало жить автономной музейной жизнью. Часы, автоматы и научные инструменты тоже выделили в особое заведение с отдельным хранителем, и так, собственно, возник Математико-физический салон: уже не «палата чудес», а «палата науки».

Со времен своего основания в XVIII веке салон обитает в дрезденском Цвингере. Коллекция его продолжала исправно пополняться и в позапрошлом, и в прошлом столетиях, а экспозиционных площадей по-прежнему было немного. Пока не случилась реконструкция.

Кажется, все главные памятники исторического центра, разрушенные во время недоброй памяти авианалета союзников, уже отстроены — что-то еще при ГДР, что-то в последние годы. Но самые приоритетные обитатели этих зданий, Государственные музейные собрания Дрездена, все еще продолжают обживать, расширяться и обновлять свои экспозиции. В бывшем замке

курфюрстов теперь расположены не только «Зеленые своды», легендарная коллекция драгоценностей от Средневековья до барокко. В «Турецкой палате» показывают уникальное собрание восточного оружия, а в Зале гигантов — умопомрачительные турнирные доспехи XVI–XVII веков. В Цвингере тоже перемены — сначала долго реконструировали Математико-физический салон, теперь вот частично открыта галерея старых мастеров. Впереди еще много чего: дрезденские музеи горделиво мечтают когда-нибудь стать «немецким Лувром» и затмить венский Музей истории искусств. Это долгая, может, даже не на одно поколение рассчитанная стратегия, совершенно непохожая своими спокойными обстоятельствами на аналогичные начинания отечественных музеев.

Теперь у салона четыре зала и, соответственно, четыре тематических раздела. В первом показывают автоматы и всевозможные научные и измерительные инструменты времен позднего Ренессанса. Одна витрина диковиннее другой; вот механиче-

ЧАСОВЩИКИ ИЗ САКСОНСКОЙ МАРКИ A. LANGE & SOHNE ПОМОГАЮТ В РЕСТАВРАЦИИ МЕХАНИКИ САЛОНА

ский медведь с вмонтированным в брюхо циферблатом будильника — в назначенное время зверь бьет в барабан, открывает пасть и вращает глазами (герр Пласмайер с гордостью прибавляет, что это чуть ли не единственная игрушка такого рода, где сохранился подлинный мех). Вот громадная машина со многими циферблатами, изукрашенная маньеристскими ювелирами, словно языческая кумирня: это устройство способно показывать движение планет, светил и звезд. Вот нарядный «одометр», хитрое приспособление для счета расстояний, сопровождавшая курфюрста Августа в разъездах по его владениям. Вот шифровальная машина, последний писк разведывательных технологий времен Елизаветы Английской и Ивана Грозного — несколько соединенных дисков с нанесенным на края алфавитом. Больше похоже на магическое приспособление, как и многие другие артефакты в соседних витринах — астролэбии, квадранты, транспортиры и совсем уж загадочного вида измерительные приборы. Самое занятное, что голого практи-